

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кулаков А.А. Применение ветеринарно-полицейских мер в русско-германской таможенной войне (1892-1914 гг.): сознательное стеснение экспорта или вынужденная необходимость? // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.1.73222 EDN: GAZDIO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73222

Применение ветеринарно-полицейских мер в русско-германской таможенной войне (1892-1914 гг.): сознательное стеснение экспорта или вынужденная необходимость?

Кулаков Алексей Александрович

руководитель центра, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

109028, Россия, Москва, г. Москва, бул. Покровский, 11, оф. L-302

✉ alexey_kulakov@inbox.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.1.73222

EDN:

GAZDIO

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2025

Дата публикации:

10-02-2025

Аннотация: Статья посвящена применению ветеринарно-полицейских мер в ходе таможенной войны между Россией и Германией (1892-1914 гг.). Торговый договор 1894 г. существенно ограничил стороны конфликта в возможностях произвольного повышения таможенных пошлин, в связи с чем влиять на объемы экспорта стало возможным только посредством введения нетарифных ограничений. К числу таких ограничений относились и ветеринарно-полицейские меры. Германская империя, являвшаяся эпидемиологически более благополучной страной чем Россия, неоднократно прибегала к их применению в обозначенный период времени, ссылаясь на риск распространения эпизоотий. В то же время ветеринарные ограничения отвечали интересам юнкерства и могли

использоваться для извлечения экономической выгоды и ограничения конкуренции со стороны российской сельскохозяйственной продукции. Царское правительство вводило ветеринарно-полицейские меры только в качестве симметричного ответа на недружественные действия торгового партнера. Методологической основой исследования является принцип историзма. Историко-генетический метод использовался при оценке расширения практики применения ветеринарных ограничений в годы русско-германской таможенной войны. Системный подход позволил комплексно рассмотреть проблему применения ветеринарно-полицейских мер, выявить возможные мотивы их введения. Метод источниковедческого анализа использовался при оценке ценности и значимости архивных документов. Применение ветеринарно-полицейских мер в условиях русско-германской таможенной войны является одной из наименее исследованных тем как в отечественной, так и в зарубежной историографии, прежде всего, в силу ее междисциплинарности. Автор, опираясь на широкий круг источников, предпринимает попытку выяснить, чем было обусловлено широкое применение германскими властями ветеринарно-полицейских мер: желанием не допустить распространения эпизоотий или стремлением ограничить русский экспорт и конкуренцию на внутреннем рынке. Значительное внимание в статье уделено проблемам организации ветеринарного дела в Российской империи на рубеже XIX-XX вв, исследован вопрос введения ветеринарных ограничений не только в отношении домашнего скота и птицы, но и зерновых культур. Кроме того, автором представлены отрывки из ранее не публиковавшихся архивных документов, размещенных в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно.

Ключевые слова:

таможенная война, ветеринарно-полицейские меры, нетарифные ограничения, ветеринарный надзор, ветеринарные ограничения, таможенная пошлина, эпизоотии, экспорт-импорт, тарифная война, торговый договор

Применение ветеринарно-полицейских мер в условиях русско-германской таможенной войны (1892-1914 гг.) [\[1, с. 62\]](#) является одной из наименее исследованных как в отечественной, так и в зарубежной историографии тем. Отчасти ее недостаточная изученность объясняется междисциплинарностью. Таможенная война как объект исследования сама по себе требует от историка глубоких познаний в различных областях, включая основы юриспруденции и экономики. Но если обозначенные отрасли наук хотя бы связаны друг с другом принадлежностью к гуманитарному знанию, то изучение ее ветеринарных аспектов требуют от исследователя энциклопедических познаний или, как минимум, привлечения внешнего специалиста, разбирающегося в подобных вопросах.

Вторая причина, по которой применение ветеринарно-полицейских мер зачастую остается за пределами границ исследования, связано с узким толкованием понятия «таможенная война», воспринимаемого как межгосударственный экономический конфликт с применением исключительно мер таможенно-тарифного регулирования (в англоязычной литературе применительно к нему используется термин *tariff war* («тарифная война»)). Иными словами, «орудием» этой войны являются только ставки таможенных пошлин. При таком подходе любые иные внешнеторговые ограничения, включая ветеринарные, не рассматриваются как инструмент таможенной борьбы между странами, чем, на наш взгляд, необоснованно сужают область исторического исследования подобных конфликтов.

Русско-германская таможенная война тоже начиналась как тарифная. 1 февраля 1892 г. германское правительство отказало России в дальнейшем предоставлении режима наиболее благоприятствуемой державы, что означало автоматическое повышение таможенных пошлин практически на все предметы русского экспорта на 15-30 %. Соответствующее повышение цен на российскую продукцию делало ее неконкурентной на внешнем рынке. Одновременно с этим Германия заключила ряд соглашений о понижении таможенного тарифа и предоставлении преференций в отношении сельскохозяйственной продукции, происходившей из других стран. Среди этих стран, в частности, были Австро-Венгрия и Румыния – главные соперницы России на мировом рынке сельскохозяйственной продукции [2, с. 282], что, конечно же, было расценено как недружественный шаг по отношению к нашей стране. Вплоть до заключения русско-германского торгового договора 29 января (10 февраля) 1894 г. противники вели борьбу друг с другом преимущественно путем кратного повышения таможенного тарифа, хотя, справедливости ради, надо отметить, что уже на начальном этапе конфликта Германия прибегала к введению ветеринарно-полицейских мер в качестве ответной меры на ограничения немецкого импорта. Так, в начале августа 1893 г. в качестве меры, направленной на воспрепятствование завозу чумы, властями Бромберга, Кенигсберга, Гумбинена, Мариена и Вердена был запрещен ввоз сена и соломы из России, начиная с 25-го числа [3, с. 13]. Учитывая, что указанное ограничение применялось только в отношении русского фуража спустя несколько дней после вступления в силу «боевого» таможенного тарифа в отношении германских товаров и не вводилось незамедлительно, а имело отложенный характер действия, можно предположить, что карантинная мера не была продиктована соображениями обеспечения эпидемиологического благополучия, а использовалась скорее в качестве «оружия» в таможенной войне.

В результате кратного увеличения таможенных пошлин торговля между Россией и Германией практически остановилась, а благосостояние населения в обеих странах резко упало – ситуация требовала разрядки. Заключенный торговый договор ознаменовал окончание «горячей» фазы конфликта, торговля возобновилась, но он не положил конец таможенной войне. Стороны согласились зафиксировать ставки таможенных пошлин в приложениях к торговому договору, заключенному сроком на 10 лет, и не имели права их изменять в одностороннем порядке.

Таким образом, это соглашение препятствовало проведению странами-участницами автономной таможенной политики и ограничивало возможность использования тарифа в продолжающейся таможенной войне. Повлиять на объемы экспорта противника становилось возможным только посредством установления нетарифных барьеров, в том числе, в виде ветеринарно-полицейских мер.

Ветеринарно-полицейские меры (сегодня они именуются просто ветеринарные или ветеринарно-санитарные ограничения) получили такое название в связи с тем, что в конце XIX в. – начале XX в. функции по контролю за эпидемиологическим благополучием в стране возлагались на министерство внутренних дел. Ветеринарные службы являлись структурными подразделениями соответствующих ведомств.

Возможность введения ветеринарных ограничений прямо предусматривалась торговым договором России и Германии. Статья 5 обязывала договаривающиеся стороны воздерживаться от запретов на экспорт и импорт, кроме случаев, когда такой запрет вводится «в интересах здравоохранения и ветеринарной полиции» [4, с. 10]. В последующие годы Германия, являвшаяся эпидемиологически более благополучной

страной чем Россия, неоднократно прибегала к этой оговорке, что породило спекуляции на тему о существовании реальных причин для введения соответствующих ограничений.

Так чем же были ветеринарно-полицейские рестрикции, применяемые к русской сельскохозяйственной продукции: намеренным стеснением экспорта или вынужденной мерой по обеспечению санитарно-эпидемиологической благополучия?

Ряд источников указывает на то, что со стороны германских властей, действовавших в интересах сельских хозяев, имели место многочисленные злоупотребления.

Так, в одном из донесений на имя Директора департамента торговли и мануфактур Министерства финансов В.И. Ковалевского говорилось о том, что «главная брешь в трактате – в отсутствии положительных правил пограничного санитарного надзора над скотом, дабы немецкие старания обеспечить себя от заразы были добросовестны и не маскировали другую цель, а именно: санитарными затруднениями оказать косвенную защиту собственному скотоводству» [\[5, л. 1-2\]](#). Пересечение прусской границы осуществлялось только через сухопутные пункты пропуска при условии обязательного ветеринарного осмотра. Такой осмотр производился только в том случае, если количество животных превышало 10 особей, в противном случае помещения под ветеринарный надзор приходилось дожидаться несколько дней. Экспортер при этом оплачивал услуги ветеринара и содержание животных на границе. «В результате, – указывали коммерческие агенты, – только на одном пограничном пункте от ветеринарно-санитарного надзора Германия зарабатывала 12 тысяч марок (не считая суммы таможенных пошлин), что свидетельствовало о фискальном характере ограничений, не вызванных объективной необходимостью» [\[5, л. 4\]](#).

Россия неоднократно заявляла протест по поводу злоупотреблений при осуществлении ветеринарного надзора, о нарушении принципов международной торговли и наличии оснований для введения ответных мер в отношении германского импорта [\[5, л. 6-7\]](#). Немецкий историк Г. Хальгартен и вовсе именовал такие действия «ветеринарно-полицейскими таможенными придирками» [\[6, с. 203\]](#).

В 1896-1897 гг. вследствие многочисленных затруднений, созданных германским правительством для поставок зерна, мяса, живого скота и птицы из России, отношения между торговыми партнерами вновь скатились к открытому противостоянию, известному в немецкой историографии под названием «маленькой таможенной войны» [\[7\]](#). Верхняя Силезия ввела полный запрет на экспорт свинины и гусей; под действие ветеринарно-полицейских мер на прусской границе попало и зерно. Газета «Königsberger Hartungsche Zeitung» опубликовала информацию о том, что соответствующие ограничения были введены под предлогом завоза эпизоотий и зерновых бацилл из России, обращая особое внимание на адресный характер ограничений – направленность исключительно против российской сельскохозяйственной продукции [\[8, с. 1\]](#). Причину введения ветеринарных ограничений газета называет «сомнительной», а зерновые бациллы и вовсе «изобретением» [\[9, с. 1\]](#), намекая на отсутствие реальных оснований для применения подобных мер. По дипломатическим каналам германскому правительству было сообщено, что Россия не оспаривает право введения ветеринарно-полицейских мер, а лишь «корректность их применения, дабы под видом санитарных не принимались меры, имеющие исключительно экономический характер» [\[10, л. 188\]](#).

В целях оценки законности введенных ограничений в Привислинском крае была учреждена специальная ветеринарная комиссия. В заключении комиссии отмечалось,

что «прусские провинции, прилегающие к русским губерниям, наименее подвергнуты эпизоотиям» и что болезни распространены в основном в Западной Германии, – это по мнению экспертов, – свидетельствовало о надуманности поводов к тотальному запрету ввоза свиней и гусей из России» [\[10, л. 105-109\]](#).

Необоснованные ветеринарно-полицейские ограничения и другие «враждебные» действия по отношению к русскому экспорту вынудили Министерства финансов Российской империи действовать. В ответ были введены паратарифные меры в отношении германских товаров, предусматривающие изменение подходов к классификации кожевенно-галантерейных товаров, что повлекло доначисление сумм таможенных пошлин, а также обязательный ветеринарный осмотр немецких лошадей. Министерство отмечало, что вынуждено отреагировать на недружественные действия германской стороны, которые «не могут быть истолкованы ... иначе, как результат домогательств прусской аграрной партии с целью стеснить ввоз жизненных продуктов из России» [\[10, л. 3\]](#).

Г. Хальгартен, считал виновником обострения русско-германских отношений германское Министерства сельского хозяйства, претворявшего в жизнь идеи Союза сельских хозяев [\[6, с. 203\]](#). Немецкая пресса, напротив, возлагала персональную ответственность за новый виток таможенной войны на местные власти, зависимые от аграриев и облеченные полномочиями на «точечное» введение ветеринарных ограничений. Например, уже упоминавшаяся выше «Königsberger Hartungsche Zeitung» критически отнеслась к введению запрета Торном и Верхней Силезией на поставки свинины из России. Газета посчитала такие меры избыточными, указав, что «запрет, изданный по настоянию аграриев, основан, как и в Верхней Силезии, на гигиенических соображениях, хотя в Торне есть ... бойня, оборудованная всеми необходимыми мерами предосторожности, ... настолько успешными, что ... опасность распространения заболевания так и не была установлена» [\[11, s. 1\]](#). При этом, отмечает корреспондент газеты, «население Торна постоянно страдает от роста цен на мясо и вынуждено платить в три раза больше, чем жители по другую сторону границы, средний класс теперь знает, кого благодарить за эту «политику отключения», которую невозможно оправдать объективными причинами, потому что хорошо оборудованные и управляемые бойни вполне способны обеспечить необходимую защиту от риска эпидемий» [\[11, s. 1\]](#).

«Königsberger Hartungsche Zeitung» также опубликовала отчет Торгово-промышленной палаты Оппельна о неблагоприятных последствиях ограничения импорта свинины из России. К их числу палата отнесла рост цен на бекон и сало, падение уровня жизни среднего класса, неспособность восточных провинций самостоятельно удовлетворить резко возросший спрос и отсутствие солидарности со стороны других германских земель, «не принявших ожидаемого участия в снабжении мясного рынка Верхней Силезии» [\[11, s. 1\]](#).

Хотя кризис, вызванный введением ветеринарно-полицейских мер, был довольно быстро урегулирован сторонами на очередном заседании Берлинской конференции, периодически ситуация обострялась из-за введения ограничений на поставки животноводческой продукции из России. Германская сторона продолжала вводить все новые меры по стеснению русского экспорта, и по мере приближения срока окончания торгового договора эта тенденция только усиливалась.

Как следует из данных Департамента таможенных сборов, в 1898 г. германское правительство закрыло для пропуска домашней птицы из России все пункты пропуска за

исключением пяти на русско-прусской границе. В январе-апреле 1901 г. под предлогом эпидемии оспы в приграничной полосе было приостановлено пассажирское и товарное движение по всей линии сухопутной границы в пределах Варшавской и Калининской губерний. В том же году Германией была введена особая плата за выдачу разрешений на пересечение границы для жителей собственных приграничных провинций с целью воспрепятствовать их поездкам в Россию за продуктами питания. Одновременно Любечская таможня информировала Министерство финансов о запрете, введенном прусскими властями для пропуска российских лошадей под предлогом распространения заразных болезней, а Зелгонская таможня сообщала о недопуске русских гусей через границу, если они перевозятся не в клетках, в результате чего экспортеры «принуждены торговлю гусями прекратить» [\[12, л. 23-28\]](#). В 1903 г. был ограничен провоз мяса из России: германские таможни отказывались пропускать мясную продукцию иначе, как железнодорожным транспортом; сам товар подлежал обязательному предварительному исследованию, забракованное мясо подлежало уничтожению [\[12, л. 16-18\]](#). Согласно донесению Окульского переходного пункта «стеснительные» меры в отношении мяса из России были вызваны «ходатайством германских мясоторговцев, не имеющих возможности вести конкуренцию с нашими мясопроизводителями» [\[12, л. 19-20\]](#). Ряд перечисленных мер был отменен после направления соответствующих протестов царским правительством.

В период переговоров по продлению действия торгового договора в 1903-1904 гг. российская делегация выдвигала в качестве одного из условий устранение дискриминации при осуществлении ветеринарно-полицейского надзора домашнего скота: введение карантинных мер должно было распространяться не только на Россию, но и на третьи страны (исключение могло быть сделано только в отношении Австро-Венгрии) [\[12, л. 192\]](#).

Однако начало русско-японской войны существенно ослабило переговорные позиции нашей страны: германские переговорщики на уступки по данному вопросу не пошли. Имперское министерство иностранных дел отстаивало позицию, что ветеринарно-полицейский надзор «не является результатом какого-либо произвола и каприза» и «вызван в силу необходимости как неизбежная защита против ввоза в Германию больного русского скота» [\[13, л. 4-5\]](#); поднимать вопрос о каких-либо смягчениях в данном случае оно считало неуместным. При заключении дополнительной конвенции к торговому договору С.Ю. Витте удалось лишь получить «некоторые формальные послабления в правилах ввоза скота» [\[14, с. 194\]](#). Ветеринарно-полицейские ограничения продолжали «отравлять» русско-германские торговые отношения вплоть до начала Первой мировой войны, если не считать смягчения санитарных ограничений в 1912 г. в отношении сельскохозяйственных животных, следовавших транзитом из России через Германию в третьи страны [\[15, л. 3\]](#).

Анализируя источники, может сложиться впечатление, что германские власти использовали ветеринарно-полицейские меры исключительно с целью ограничить экспорт русского скота, сознательно придираясь к отечественным поставщикам, и никакой проблемы обеспечения эпидемиологического благополучия не существовало. Однако проблемы с организацией ветеринарного дела в России на рубеже XIX-XX вв. все-таки были.

О состоянии дел красноречиво свидетельствует переписка между Ветеринарным управлением МВД Российской империи и Гродненским правлением. В предписании

управления от 04.11.1905 № 5277 говорится о том, что «наблюдающиеся в последние годы частые случаи прибытия из России в Германию неблагополучных по заразным болезням партий домашней живой птицы» угрожают «подрывом нашей вывозной торговле» и необходима разработка специальных правил для ее экспорта в Германию (такие правила впоследствии будут приняты и в отношении других видов сельскохозяйственных животных). Но помимо правил необходима и надлежащая организация ветеринарного надзора «на первых порах хотя бы только в крупных пунктах разведения предназначаемой для экспортных целей птицы» [16, л. 6]. Рапорт же правления указывает на то, что для этих целей подходит только железнодорожная станция Брест, но и там творятся «ветеринарно-санитарные беспорядки»: больная птица продается по дешевой цене обывателям; дохлая птица используется ими для выщипывания перьев; трупы после этого не закапываются и даже могли продаваться на мясо; бассейн для гусей часто наблюдается загрязненным и, конечно, мог служить источником заражения провозимой птицы. Причиной таких «беспорядков», по мнению правления, является то, что разведение птицы относится к женскому хозяйству, «вследствие этого трудно ожидать со стороны мужского населения серьезного отношения к птицеводству; без этого ... невозможно рассчитывать на серьезное отношение мужского населения к здоровью птицы, а небрежность в этом отношении поведет к небрежности ко всем устанавливаемым ветеринарно-полицейским мерам» [16, л. 33]. При этом в сентябре 1905 г. на домашней птице была обнаружена холера, «но ветеринарно-полицейских мер, за отсутствием каких-либо распоряжений на сей счет не принималось, а давались ветеринарные советы владельцам птиц» [16, л. 34].

Таким образом, местная администрация Гродненской губернии фактически признала наличие многочисленных санитарно-эпидемиологических проблем в регионе и отсутствие должного надзора за состоянием здоровья живой птицы. Аналогичные проблемы наблюдались и в отношении других видов сельскохозяйственных животных.

Так, из циркуляра Ветеринарного управления МВД Российской империи от 19.05.1904 № 690 следует, что при проверке условий отправки торгово-промышленных свиней в приграничные районы были выявлены многочисленные нарушения. Циркуляр констатирует, что «означенное дело в большинстве пунктов поставлено весьма неудовлетворительно» [15, л. 5]: помещения для карантинирования свиней ненадлежащим образом оборудованы и приспособлены, не позволяют изолировать и подвергать тщательному осмотру содержащихся животных, не обеспечивают последних от заражения при перегонке к станции погрузки. «Ветеринарный надзор за карантинруемыми партиями свиней, – говорится в документе, – клеймение и осмотр их, производимые нередко без должного внимания, поверхностно и бегло, а также без точного соблюдения вышеприведенных правил и нося очевидный характер бесцельного формализма, вовсе не обеспечивают пунктов назначения рынков сбыта от доставки неблагополучных по заразным болезням партий» [15, л. 5].

Из циркуляра Гродненского губернатора от 20.11.1910 № 1498 относительно завоза в Варшаву из разных пунктов губернии ящура следует, что ветеринарные врачи, заведующие надзором за отправляемыми свиньями в Привислинский край, не выполняют перед отправкой свиней в полной точности всех требований»; при допущении «в будущем отправки свиней без применения поголовной термометрии их, и без самого тщательного поголовного осмотра животных /особенно нижних конечностей/ повлечет за собой увольнение от занимаемых должностей виновных в том лиц ветеринарного надзора» [17, л. 9].

Наконец, на нарушения ветеринарно-санитарных правил указывало и письмо Управления железных дорог Министерства путей и сообщения Российской империи от 02.10.1911 № 25239. Главнейшими и наиболее частыми «неправильностями» оно называет погрузку или догрузку рогатого скота и свиней без ветеринарного осмотра и без надлежащего уведомления о таких отправлениях станций назначения, в адресовании живого груза на станции, не предназначенные для выгрузки животных, отправку свиней без карантинирования, недостаточную промывку, очистку и дезинфекцию вагонов, загрязненность станций. Управление высказывает опасения, что «повторяемость подобных упущений ... может не только вредно отразиться на торговле скотом, но и в корне подорвать заграничный экспорт свиней» [\[17, л. 21\]](#).

Проблемы надлежащей организации ветеринарного надзора на территории Российской империи порождали в профессиональной среде дискуссию о необходимости перехода на иную экспортную модель, заменив вывоз живого скота и птицы битым. Вывоз битого мяса «устранил бы надобность в установлении сложной и обременительной ... системы ветеринарно-полицейских мероприятий в местах сборки, отдыха и выгрузки <животных> и избавил бы от значительных денежных расходов на оборудование целой сети железнодорожных станций необходимыми приспособлениями...» [\[16, л. 41\]](#). К числу недостатков поставок живого мяса за границу эксперты также относили невозможность использования сырьевых остатков для собственных нужд и создание условий «для экономического рабства», предоставляя «государствам, являющимися для нас рынками сбыта», возможности «откармливать почти задаром свое скотоводство теми продуктами, которые с неменьшей пользой могли бы служить для поднятия в качественном отношении нашего собственного животноводства» [\[16, л. 41\]](#).

Несмотря на очевидные выгоды такой экспортной модели, она так и не была реализована в годы таможенной войны по нескольким причинам. Первая – сугубо экономическая – продажа субпродуктов предполагает создание специальных условий для их производства, хранения и перевозки (устройство боен, складов, холодильников, переоборудование железнодорожных вагонов и т.д.), что приведет в конечном итоге к большим затратам, чем организация надлежащего ветеринарного надзора. Вторая – незаинтересованность Германии. Как отмечало Ветеринарное управление, «в делах международного обмена предложению всегда приходится идти на встречу спросу, и нельзя побудить рынок сбыта – Германию – получать предметы нашего вывоза в таком виде, как нам желательно, а не в том, как это ей требуется. Общеизвестен факт, что все страны, получающие продукты извне, стремятся в большинстве случаев к тому, чтобы они доставлялись в необработанном виде, ибо, несомненно такое положение дела дает им известные преимущества. Изменение этого условия по отношению к экспорту птицы может также встретить возражение со стороны Германии и в том смысле, что на основании данных осмотра битой птицы значительно труднее проверить правильность установленного за ней ветеринарного надзора на местах убоя и судить о степени действительности ее благополучия в санитарном отношении» [\[16, л. 41\]](#). Наконец, третья причина – это не выгодно для товаропроизводителя, так как привозное битое мясо торгуется на рынке по более низкой цене.

Ветеринарно-полицейским послаблениям в отношении транзита отечественной мясной продукции со стороны германских властей в 1912 г. в России придавалось важное значение. Они расценивались как шанс «развеять ... сложившееся в некоторых кругах на Западе твердое убеждение в недостаточности нашего ветеринарного надзора», успешные результаты которого «могли бы оказать громадное влияние как на подготовку

благоприятной почвы для соглашения относительно более широкого сбыта в Германию продуктов нашего скотоводства при предстоящих переговорах по заключению нового русско-германского торгового договора» [\[15, л. 3\]](#).

Предпринимались многочисленные меры по усилению контроля за состоянием здоровья животных на русской границе, Ветеринарное управление неоднократно указывало губернаторам на репутационные риски ненадлежащего состояния мясных продуктов для отечественной торговли. «Послабления же со стороны ветеринарного надзора, – говорилось в одном из соответствующих донесений, – какими побуждениями они ни порождались бы, поведут к доставке в пределы Пруссии неблагополучных по заразным и повальным болезням мясных продуктов, каковое обстоятельство послужит могучим оружием у противников допущения означенного ввоза для утверждения, что русское мясо, на котором в пределах Германии немецкими ветеринарными врачами будут обнаруживаемы присущие заразным болезням изменения, является источником распространения заразы, представляет угрожающую опасность для германского скотоводства и, уже само собой разумеется, подтверждает мнение о несостоятельности русского ветеринарного надзора» [\[15, л. 3\]](#).

Ряд архивных документов указывает на введение системы мониторинга ветеринарной безопасности в приграничных регионах. Так, Ветеринарное управление регулярно запрашивало у уездных ветеринарных врачей Гродненской губернии и Привислинского края рапорты о заболеваемости животных и наличии эпизоотий. В ответных донесениях особо подчеркивалось, что «убой скота в целях отправки мяса в Германию» не осуществлялся [\[18, л. 1, 4, 10\]](#).

Другой мерой по усилению контроля за состоянием здоровья животных стало введение с 26 ноября 1912 г. обязательной паспортизации экспортных лошадей, направляемых на продажу в Германию, и лошадей приграничных с Пруссией территорий. На каждую лошадь заводился паспорт установленного образца, в котором отражалась информация о владельце, месте покупки, характеристиках животного (пол, порода, масть, особые приметы), дата ветеринарного осмотра, номер вагона, в котором лошадь следует до границы, и станция назначения. Помимо введения паспортных книжек предусматривался целый ряд жестких правил по ветеринарному осмотру и провозу животных за границу. Лошадь не допускалась к экспорту при отсутствии свидетельства о благополучии по сапу, выданного в течение последнего месяца. Правила регламентировали действия не только владельцев животных, но также начальников станций, ветеринарных врачей, местных властей, таможенных и полицейских чинов; вводились требования к санитарному состоянию железнодорожных вагонов, предназначенных для перевозки, и порядок помещения лошадей на карантин. Выпуск лошади за границу допускался только через определенные пункты пропуска при условии, что ветеринарный врач установил соответствие экспортируемого животного описанному в паспорте и диагностировал отсутствие признаков сапа [\[15, л. 16-20\]](#).

Невзирая на наличие четких инструкций по осуществлению ветеринарного надзора, система паспортов, ветеринарных свидетельств и прочих удостоверений часто подвергалась критике. Ветеринарное управление констатировало, что «при существующем контингенте сельских властей и низших чинов сельской полиции нельзя... рассчитывать на то, что выдаваемые удостоверения могли иметь серьезное значение достоверных для ветеринарного дела документов», их оформление является «лишь простой формальностью, стеснительной для торговцев, бесцельной для ветеринарно-санитарных потребностей и созданной только ради мнимого успокоения Германии,

которой, разумеется, нужны не искусственные, а жизненные правила» [16, л. 42].

Резюмируя вышесказанное, нельзя однозначно ответить на вопрос о том, были ли германские ветеринарно-полицейские меры проявлением недобросовестной конкуренции, стесняющим русский экспорт, или продиктованы интересами национальной безопасности в целях недопущения завоза на территорию страны опасных инфекций и заболеваний. С одной стороны, архивные документы подтверждают неудовлетворительное состояние ветеринарного надзора в России на рубеже XIX-XX вв., демонстрируют небрежность при его осуществлении и непонимание важности соответствующих мероприятий для международной торговли, что, конечно же, свидетельствует об обоснованности опасений германской стороны. С другой стороны, многочисленные факты злоупотреблений и спекуляций в угоду прусскому юнкерству, отсутствие достоверных доказательств завоза болезней из России, наконец, политические и экономические выгоды рейха от введения запретительных мер на поставки сельскохозяйственных животных и культур заставляют усомниться в добросовестности германских властей и реальности угрозы распространения эпизоотий. Очевидно, истина находится где-то между: в зависимости от состояния межгосударственных отношений в годы таможенной войны ветеринарно-полицейские меры могли использоваться и для сознательного стеснения русского экспорта, и для обеспечения эпидемиологического благополучия Германской империи.

Библиография

1. Кулаков А.А. Таможенная война России и Германии на рубеже XIX-XX вв.: проблема периодизации // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С.54-64. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43745 EDN: UKKKQY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43745
2. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. 4-е изд. Челябинск.: ООО «Социум», 2002.
3. Владивосток. 15.08.1893. № 33.
4. Договор о торговле и мореплавании между Россией и Германией. М.: Губернская типография, 1894.
5. РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 24.
6. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года: Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., Издательство иностранной литературы, 1961.
7. Wulf D. Der «kleine» Zollkrieg. Zu den Hintergründen und dem Verlauf der deutsch-russischen Zollkonferenz (November 1896 bis Februar 1897). [Электронный ресурс] <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783112622223-004/html> (дата обращения: 29.12.2024).
8. Königsberger Hartungsche Zeitung. 23.09.1896. № 224 Erste Morgenausgabe.
9. Königsberger Hartungsche Zeitung. 16.09.1896. № 216 Abendausgabe.
10. РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 37.
11. Königsberger Hartungsche Zeitung. 17.12.1896. № 297 Abendausgabe.
12. РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 174.
13. РГИА. Ф. 23. Оп. 31 Д. 368.
14. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. М., Международные отношения, 1989.
15. НИАБГр. Ф. 329. Оп. 2. Д. 16.
16. НИАБГр. Ф. 329. Оп. 1. Д. 24.
17. НИАБГр. Ф. 329. Оп. 3. Д. 80.
18. НИАБГр. Ф. 329. Оп. 2. Д. 104.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

За последние годы для россиян привычной стала та санкционная политика, с которой обрушились на нашу страну не дружественные страны. Примечательно, что и избранный президент США Д. Трамп использует торговые войны в качестве приоритета своей внешней политики. Однако подобная политика проводилась задолго до XXI в., в связи с чем представляется интересным изучение различных аспектов истории торговых войн.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является применение ветеринарно-полицейских мер в условиях русско-германской таможенной войны. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1892 г. до начала Первой мировой войны. Автор ставит своими задачами определить виновников обострения русско-германских отношений, проанализировать ветеринарно-полицейские меры, применяемые в рамках таможенной войны, а также выявить причины их применения.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: как отмечает автор, "Применение ветеринарно-полицейских мер в условиях русско-германской таможенной войны является одной из наименее исследованных как в отечественной, так и в зарубежной историографии тем". Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 18 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на немецком языке, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Российского государственного исторического архива и Национального исторического архива Беларуси в городе Гродно, а также материалами периодической печати. Из используемых исследований укажем на труды А.А. Кулакова и Г. Хальгартена, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения германской внешней политики конца XIX - начала XX в. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как торговыми войнами, в целом, так и торговыми войнами конца XIX - начала XX вв. в частности. Аппелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что ветеринарно-полицейские меры получили такое "название в связи с тем, что в конце XIX в. – начале XX в. функции по контролю за эпидемиологическим благополучием в стране возлагались на министерство внутренних

дел". Автор обращает внимание на то, что Россия "неоднократно заявляла протест по поводу злоупотреблений при осуществлении ветеринарного надзора, о нарушении принципов международной торговли и наличии оснований для введения ответных мер в отношении германского импорта". Впрочем, анализируя переписку между Ветеринарным управлением МВД Российской империи и Гродненским правлением автор не обходит стороной и существовавшие в России проблемы с организацией ветеринарного дела.

Главным выводом статьи является то, что

"в зависимости от состояния межгосударственных отношений в годы таможенной войны ветеринарно-полицейские меры могли использоваться и для сознательного стеснения русского экспорта, и для обеспечения эпидемиологического благополучия Германской империи".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".